

Сергиенко Ирина Владимировна

**В. В. НАБОКОВ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НОВЕЛЛЫ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА
"ХОРОШО ЛОВИТСЯ РЫБКА-БАНАНКА"**

В статье рассматривается интерпретация творчества американского писателя Дж. Д. Сэлинджера писателем Владимиром Набоковым. В центре внимания находится новелла Дж. Сэлинджера "Хорошо ловится рыбка-бананка". В результате анализа в новелле выявлен скрытый авторский подтекст (суггестивность), обнаружено использование Сэлинджером в тексте категорий дхвани, а также исследовано соотношение произведения Сэлинджера с индийской философией. В статье рассмотрены и особенности поэтики Сэлинджера в контексте творческого наследия Владимира Набокова: интервью и лекций по зарубежной литературе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 164-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THE LANGUAGE ACTUALIZERS OF THE EMOTION «COLÈRE» IN THE FRENCH LANGUAGE

Sedykh Arkadii Petrovich, Doctor in Philology, Professor
Belgorod State National Research University
sedykh@bsu.edu.ru

The author researches the emotional language picture of the world of the French linguo-culture, analyzes the lexicographical methods of verbalizing the emotion “anger”, describes the specificity of emotions representation in the French language at most levels of language organization: lexical, syntactic, lexicographical, phraseological, paroemical, aphoristic; defines the patterns of linguistic material use as the indicators of national world view and communicative behaviour of the French, and concludes that emotional language picture of the world reflects the specificity of national language picture of the world and the features of verbalizing emotional realia of the French linguo-cultural community

Key words and phrases: emotional language picture of the world; French language and linguo-culture; verbalization of emotions; vocabulary; phraseology; paroemia; aphorism.

УДК 82.0:005.52

Филологические науки

В статье рассматривается интерпретация творчества американского писателя Дж. Д. Сэлинджера писателем Владимиром Набоковым. В центре внимания находится новелла Дж. Сэлинджера «Хорошо ловится рыбка-бананка». В результате анализа в новелле выявлен скрытый авторский подтекст (суггестивность), обнаружено использование Сэлинджером в тексте категорий дхвани, а также исследовано соотношение произведения Сэлинджера с индийской философией. В статье рассмотрены и особенности поэтики Сэлинджера в контексте творческого наследия Владимира Набокова: интервью и лекций по зарубежной литературе.

Ключевые слова и фразы: суггестивность; индийская философия; фрагментарность; субъективность; дхвани, дзэн-буддизм; поэтика.

Сергиенко Ирина Владимировна
Северо-Кавказский федеральный университет
kazekama@mail.ru

**В. В. НАБОКОВ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
НОВЕЛЛЫ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «ХОРОШО ЛОВИТСЯ РЫБКА-БАНАНКА»[©]**

*«Мы знаем звук хлопка двух ладоней, а как звучит одной ладони хлопок?»
Дзэнский коан. Хакуин Осэ*

(Эпиграф к сборнику рассказов Дж. Д. Сэлинджера «Девять рассказов»).

Дж. Д. Сэлинджер – писатель, создавший противоречивое, уникальное по своей композиции произведение – роман «Над пропастью во ржи» (1951 г.), сделавшее его одним из самых популярных классиков западной литературы. В Америке его считали писателем-невидимкой. Он не давал интервью, не читал лекций, не подпускал к себе журналистов. Он сознательно не искал ни славы, ни выгоды. Писатель-отшельник долго и стойко боролся за право на личную жизнь. Но так было, есть и будет – талантливый писатель никогда не найдет покоя от поклонников его творчества.

На мировую литературную сцену Сэлинджер выходит в послевоенные годы, как раз в период «холодной войны», когда была чрезвычайно сильна тенденциозная литература, индифферентная к социальным вопросам. Помимо своего самого известного романа «Над пропастью во ржи», Сэлинджер создал целый ряд рассказов, которые стали буквально учебником для молодых бунтарей. «Девять рассказов» Сэлинджера – девять жемчужин в мировом литературном процессе. Недаром их создателя критик Андрей Аствацатуров назвал «рассказчиком от Бога» [1].

Произведения Сэлинджера впервые стали публиковаться в Советском Союзе в 1960-е годы. Переводчицей выступила Рита Райт-Ковалева. И тут же его книги получили признание и бешеную популярность у нас на Родине. Это доказывают как многочисленные переиздания, так и сборник новых переводов «Девяти рассказов», который принадлежит А. Махову (1998 г.). Новелла «Хорошо ловится рыбка-бананка», которую Махов называл «Чудесный день для банановой рыбки», переведен не просто по-другому, он переведен прямо противоположно классическому переводу Райт-Ковалевой. Это было связано, прежде всего, с тем, что Махов наконец-то решился сломать прежние каноны переводческих работ. «Переводчик решил подарить миру

новый перевод, чтобы он заменил старый», - пишет В. Топоров [11]. Очевидна полемическая направленность этого переводческого труда: чтобы отличаться от предшественников, Махов именует Сэлинджера «Салинджером» и снова, и снова в каждой строчке спорит с Райт-Ковалевой. Ее переводы сам Махов считает неточными и «устаревшими», не отражающими всей многогранности творческого стиля писателя. Разумеется, переводы Риты Райт-Ковалевой «сглаживали» острые углы, которых было очень много. «И в данном случае дело не только в сленге, на котором говорят герои Сэлинджера, но и в той неуловимой, но постоянно присутствующей странности, которая отличает атмосферу его рассказов», - пишет исследователь А. Аствацатуров [1].

Но самый оригинальный и самый нашумевший перевод Сэлинджера вышел из-под пера Максима Немцова в 2009 году. Этот перевод вызвал не просто бурю полемик, он «взорвал» читающую общественность. «Хорошо ловится рыбка-бананка» в переводе Немцова стала новеллой «Самый день для банабульки». Реакция на эту книгу не заставила себя ждать – перевод обсуждали в прессе, на телевидении, в блогах. Обсуждалась главным образом морально-этическая проблема: можно или нельзя переводить Сэлинджера таким образом, после того, как это уже сделала великая переводчица Рита Райт-Ковалева. Те, кто любит переводы Риты Райт, в один голос заявляли, что перевод Немцова выполнен как минимум «отвратительно». Те, кто выступал за прогресс переводов творчества Сэлинджера, говорили о «великолепном, наконец-то выполненным интересно переводе» [2].

Но самая бурная полемика развернулась в «Живом Журнале». Если одни блоггеры говорят: «Райт-Ковалева была, прежде всего, писатель, как Заходер и Пастернак, поэтому ее переводы заставляют замирать сердца многих людей, а подлинник затем обидно разочаровывает» [Там же], то другие тут же отвечают: «Рита Райт-Ковалева уже перевела эту книгу. Почему “Самый день для банабульки”? В оригинале было “Хорошо ловится рыбка-бананка”!» [11]. Но дело не в том, хорошо или плохо переводит названия М. Немцов. Дело в том, что зачастую в обществе бытует миф о том, что новый перевод плох по определению уже тем, что его автор посмел «замахнуться на “святое”». «При этом полемические приемы профессионала оказываются неотличимы от доводов людей, не читавших книгу», - пишет А. Аствацатуров [1].

Как бы там ни было, какие бы споры ни разгорались вокруг имени Сэлинджера, он был, есть и будет писателем с мировым именем, создавшим уникальное, ни на что не похожее произведение. И, каков бы ни был перевод, смелым и дерзким, или «сглаживающим углы», это ничуть не умаляет значения оригинала для мировой литературы в целом.

Владимир Владимирович Набоков был из ряда тех, кто считал вклад Сэлинджера в мировую литературу неоспоримым. Автор «Лолиты» был крайне избирателен в выборе книг для своего «прикроватного столика» [6, с. 222], мог скрупулезно изучать современную ему литературу, сопоставлять и анализировать различные детали. Неудивительно, что Набоков хвалил Сэлинджера как одного из самых «тонко пишущих» художников, обозначая его творчество так: «Читая его произведения (*«Хорошо ловится рыбка-бананка»* – И. С.), с наслаждением, одновременно и чувственным и интеллектуальным, мы будем смотреть, как художник строит карточный домик, и этот карточный домик превращается в прекрасное здание из стекла и стали» [8, с. 41]. В своей лекции по зарубежной литературе «О плохих писателях и хороших читателях» Набоков подчеркивал, что главным «козырем» писателя является вдохновение. «О вдохновении редко пишут даже худшие критики нашей лучшей прозы. Я говорю “нашей” и говорю “прозы”, подразумеваемая произведения американской художественной литературы, включая собственные сочинения» [5, с. 275].

Возможно, причина кроется в том, что Набоков абсолютно не воспринимал сентиментальные культы американской литературы и критики. Это связано с тем, что в 20-30-е годы «дух времени» мало затрагивал обособленный мир русских эмигрантов. Но, несмотря на это, писатель высоко ценил прозу таких новаторов, как Сэлинджер, Апдайк, Хемингуэй, которые по праву считаются все-таки писателями «прогрессивного поколения» [4, с. 37]. Он писал: «Чтобы создать нужное впечатление, не обязательно громоздить подробности со всякими эмфазами – достаточно найти одну выразительную деталь» [6, с. 234].

«Его проза уникальна хотя бы потому, что ранее никто не показывал жизнь, а только описывал и рассказывал» [Там же, с. 241]. Именно поэтому в телеинтервью американскому журналисту Роберту Хьюзу среди наиболее талантливых писателей середины столетия Владимир Набоков называл автора «Девяти рассказов» и романа «Над пропастью во ржи». Автор «Лолиты» выделял Сэлинджера как «одного из самых тонких из пишущих в последние годы художников» [5, с. 46].

Мало кто из современных писателей, как русских, так и зарубежных, удостоивался столь высокой похвалы со стороны мэтра. Причиной столь явного выделения именно Сэлинджера из огромного количества современных Набокову писателей явился тот факт, что Сэлинджер, несмотря на всю его неоднозначность и необычные сюжеты, которые порой лишены всякого логического объяснения и граничат с абсурдностью, является одним из наиболее ярких писателей того времени. Набоков, детально изучая современную ему литературу, пришёл к выводу, что: «Эротичный, лживый бестселлер; полный насилия, вульгарный роман; беллетризованная обработка социальных или политических проблем; и, в целом, романы, состоящие в основном из диалогов или публицистических комментариев – всему этому абсолютно отказано в месте на моем прикроватном столике» [Цит. по: Там же, с. 222]. При диаметрально противоположных стилях и взглядах на построение сюжетных линий своих романов, Набоков давал высокую оценку Сэлинджеру как «писателю-реалисту, способному в одиночку заменить десятки тех, кто создает популярную смесь порнографии и идеалистической прециозности» [Там же], указывая на новаторский характер его поэтики.

В лекции «О хороших читателях и хороших писателях» [8, с. 30] Набоков говорил, что у каждого искусства есть два смысла: скрытый и явный. «Это проявленный и непроявленный смыслы, где можно вывести

определённые деления» [Там же]. В произведении «Хорошо ловится рыбка-бананка» они оба идентифицируются. Дело в том, что Сэлинджер, будучи писателем-идеалистом, неоднократно обращался к древнеиндийской философии и придерживался ее канонов во всем, начиная от образа жизни и заканчивая своим творчеством. До сих пор неизвестно, мог ли знать Сэлинджер древний санскрит. Однако писатель был крайне увлечен дхвани – категорией средневековой индийской поэтики, согласно которой художественное наслаждение от литературных произведений достигается не образами, создаваемыми прямым значением слов, а теми ассоциациями и представлениями, которые вызываются этими образами [3]. Каждое литературное произведение, согласно нормам и канонам дхвани, должно было иметь один из трех типов «скрытого смысла»:

I – подразумевать простую мысль;

II – вызывать представление о какой-либо семантической фигуре;

III – внушать то или иное поэтическое настроение («раса»).

Последний пункт считался высшим видом поэзии. Как пишет исследователь И. Галинская, поначалу выделялось восемь поэтических настроений [Там же]. Но, спустя некоторое время, сюда было включено и «девятое настроение»:

1 – эротика, любовь;

2 – смех, ирония;

3 – сострадание;

4 – гнев, ярость;

5 – мужество;

6 – страх;

7 – отвращение;

8 – изумление, откровение;

9 – спокойствие, ведущее к отречению от мира.

Таким образом, Сэлинджер построил свои рассказы в форме девяти настроений дхвани. И новелла «Хорошо ловится рыбка-бананка» является олицетворением первого дхвани эротика и любви.

По определению В. В. Набокова, художника, писателя, можно оценивать с позиций трёх аспектов проявления творческой личности: как рассказчика, как учителя, как волшебника. «Все трое – рассказчик, учитель, волшебник – сходятся в крупном писателе, но крупным он станет, если первую скрипку играет волшебник» [8, с. 40].

К писателю-рассказчику читатель обращается за развлечением, за умственным возбуждением простейшего рода, за эмоциональной вовлеченностью, за удовольствием поблуждать в неких дальних областях пространства и времени. Сэлинджер, будучи писателем, который в простой и лаконичной форме излагал свои мысли читателям, вполне подходит под набоковское описание идеального писателя-рассказчика.

К писателю-учителю, по мнению В. Набокова, можно обратиться не только за поучением, но и за извлечением некоторых новых сведений, знаний. «Пропагандист, моралист, пророк – таков восходящий ряд», – писал автор «Лолиты» [Там же]. К учителю можно пойти не только за поучением, но и ради знания. Слегка иной, хотя и необязательно более высокий склад ума ищет читатель в писателях-учителях. Сэлинджер в данном случае выступает как некий основатель собственной философии [2]. Его новелла пропитана духом поэтики дзэн, ибо в конечном счете поучительная функция его рассказа отходит немного в сторону, уступая место следующей, третьей и самой глобальной, по мнению Набокова, ипостаси – волшебника-творца. «Великий писатель – всегда великий волшебник», – пишет Набоков [8, с. 45].

Наблюдая за стилем, образностью, структурой романов и рассказов Сэлинджера, можно говорить о слиянии в целостное ощущение единого и единственного. Новелла «Хорошо ловится рыбка-бананка» представляет собой загадку как в плане ее построения, так и в плане содержания, смысла. Новелла Сэлинджера абсолютно не классифицируется жанром модернизма – в ней нет неомифологической подсветки, стиль ее традиционный, а сюжет, с одной стороны, прост, а с другой – абсурден.

Для того чтобы понять, какие именно детали привлекли мэтра, нужно изучить рассказ «изнутри». Рассматривая текст Сэлинджера поверхностно, можно упустить такие важные характеристики, как подтекст и определенная смысловая нагрузка, которую использовал автор «Рыбки-бананки». Чтобы их правильно проинтерпретировать, необходимо обратиться к понятию «суггестивности». Современные литературоведы и критики часто подразумевают под словом «суггестивность» подтекст, порою – второй и третий планы литературного произведения, а иногда – «второй диалог», тогда как социопсихологи обозначают им внушение, подсказывание слушателю, зрителю, читателю той или иной эмоции, настроения [3].

В США экзотическим словом «bananafish» называют один из сортов промысловой сельди. Поэтому в журнале «Америка» в 1962 году название сэлинджеровского рассказа и было первоначально переведено как «Отличный день для селедки» [4, с. 59]. Но в 1981 году в этом же издании употребляется уже известное читателю название «Хорошо ловится рыбка-бананка» [3].

Новелла состоит из двух сцен и эпилога. Симор Гласс и его жена Мюриэль отдыхают во Флориде. В отсутствие мужа Мюриэль разговаривает по телефону с находящейся в Нью-Йорке матерью. Разговор идет о Симоре, которого теща считает человеком психически неуравновешенным, в связи с чем и обеспокоена судьбой дочери. Пребывающий во время этого разговора на пляже близ отеля Симор беседует с трехлетней девочкой Сибиллой. Он рассказывает ей собственного сочинения сказку о банановых селедках, которые заплывают в подводную банановую пещеру, обедают там бананами, заболевают банановой лихорадкой и

умирают. После этого Симор возвращается к себе в гостиницу и, взглянув на спящую на кровати жену, достает пистолет и стреляет себе в висок.

Как указывает исследователь И. Галинская, при создании «Рыбки-бананки» Сэлинджер ориентировался на поэтику санскритской лирики. Новелла написана по первому настроению дхвани. В ней преобладает эротика и любовь, поэтому роль символов, которые олицетворяют эротическое и любовное начало, в новелле очень сильна. Так, например, «банан» традиционно связан в народном представлении индусов с любовью. В рассказе Сэлинджер постоянно акцентирует внимание читателя на бледности героя, а также в различных сочетаниях часто повторяется эпитет «синий» («А как твоё синее пальтишко», «Больше всего на свете люблю синие купальнички», «Плавки были ярко-синие» [10] и т.д.). «Бледность персонажей – первейший признак их одержимости любовью, а эпитет “синий” вызывает ассоциацию с синим цветком лотоса – неперенным атрибутом бога любви Камы» [3]. Эротическое в новелле выражается с помощью постоянного вкрапления в текст темы ног. Ноги, согласно психоанализу, субститут половых органов. Как пишет И. Галинская, «Симор не удовлетворен интимными отношениями с женой, он довольствуется латентным сексом с маленькой девочкой» [Там же]. В рассказе описание ног становится не просто постоянным, оно перерастает в маниакальный мотив («брыкнула ножкой мокрый замок», «подкидывая ножкой песок», «придерживая Сибиллину ножку», «обхватил Сибиллины щиколотки», «выпустил ее ножки», «схватил мокрую ножку», «поцеловал пятку» [10] и т.д.). Также стоит сказать о сцене в лифте, когда Симору кажется, будто бы случайная попутчица постоянно смотрит на его ноги. Речь героя, постепенно переходящая в абсурд и не имеющая никакой логики, связана с мотивным анализом. Суть его состоит в том, что за единицу анализа берутся не традиционные термины – слова, предложения, а мотивы, основным свойством которых является то, что они, будучи кроссуровневыми единицами, повторяются, варьируясь и переплетаясь с другими мотивами, в тексте, создавая его неповторимую поэтику [9, с. 132]. И снова Сэлинджер, прибегая к мотивному анализу, отсылает читателя к эротическому в новелле.

Но апогеем дхвани в рассказе выступает символика чисел. Почему у селедки из сказки, которую Сибилле рассказывает Симор, во рту 6 бананов? И почему другая селедка, оказавшись в пещере, съедает 78 бананов? Как отмечает И. Галинская, «в индийской традиции банан не только символ любви, но, философски, еще и знак непрочности, слабости: ведь ствол бананового дерева образован не из древесины, а из наслоений листьев. В свою очередь, числа 6 и 78 находим в двух древнеиндийских классификациях – человеческих страстей и причин, которые порождают жажду жизни, приводящую человека к гибели. Согласно классификации, есть 6 видов “нечистых” страстей, которые загрязняют ум. Это любовь, ненависть, гордыня, невежество, ложные взгляды, сомнения. По всей вероятности, 6 бананов во рту одной из селедок и олицетворяют 6 видов “нечистых” страстей, а 78 бананов, съеденных другой рыбкой, равнозначны 78 видам жажды жизни» [Цит. по: 7].

Суггестивный эффект новеллы «Хорошо ловится рыбка-бананка» - внушение поэтического настроения эротики, любви. Оно как бы изначально настраивает читателя на «нужный» лад. Суггестивное поэтическое настроение «слышится» читателю на протяжении всей новеллы. Кроме того, как пишет И. Галинская, «при всем том не исключено, что анализируемая новелла содержит еще один смысловой суггестивный слой, но уже с сугубо американским колоритом. Ибо у слова «bananafish», заполняющего собой, можно сказать, весь рассказ, в английском языке имеется свой собственный подтекст. Англоязычному читателю оно непременно напомнит о жаргонных словосочетаниях «to go banana», «to get banana», означающих «спянуть», «рехнуться» [3] [Там же].

Все интерпретаторы новеллы Сэлинджера единогласно сошлись во мнении, что сказка, сочиненная Симором, является отражением его собственной судьбы. Как подчеркивает И. Галинская, «для западного философского мышления, привыкшего к точным логическим дефинициям и аристотелевским категориям, непостижимо, чтобы одна и та же традиция одновременно допускала существование нескольких точек зрения на одно явление и чтобы при этом не нарушалось единство учения» [Там же]. «Когда Симор, подшучивая над маленькой девочкой, рассказывает ей о сказочной банановой сельди, которая заплывает в пещеру, где ест много бананов, но погибает, потому что не пролезает в двери, он фактически имеет в виду свою женитьбу», - пишет И. Галинская, со ссылкой на исследователя О'Коннера [Там же]. Однако смерть в индуизме имеет два противоположных толкования: она величайшее горе и величайшее счастье. Горе, если ведет к новому перевоплощению, т.е. продолжению жизни, перерождению, сансаре, а следовательно, и к повторению земных страданий. Великим счастьем смерть выступает, если становится переходом к вечному блаженству, которое исключает дальнейшие земные воплощения [Там же]. Рассмотрим для примера океан, саму «банановую сельдь» и пещеру, в которую она попадает. Океан – мир Симора, сельдь – сам Симор, пещера – символизирует утробу Земли, место, где зарождается новая жизнь. Океан в индийской философии символизирует круг перерождений души. Сельдь уходит от океана (уходит от перерождения), попадает в пещеру (разрывает круг перерождения) и погибает. Убив себя, Симор размыкает звенья цепи перерождения, переходя на путь к нирване.

Единодушно ставя знак равенства между самоубийством Симора и судьбой объевшейся бананами и оттого погибшей селедки, исследователи сэлинджеровской новеллы не принимали во внимание особенностей древней индийской философии и индийского религиозно-философского сознания. Учитывая философскую и эстетическую установки автора, а также мировоззрение индуизма, вполне допустимо утверждение, что банановая сельдь – это слабый человек, жаждущий жизненных удовольствий [Там же]. Это губительно, ибо ведет к продолжению существования, тогда как для Симора добровольная смерть это не гибель, а путь к спасению, нирване, т.е. к полному и окончательному освобождению от желаний [Там же].

Тем не менее, Набоков, сравнивая себя и Сэлинджера, при ответе на вопрос о сходстве «Лолиты» и «Рыбки-бананки», отвечает, что, как писатель, он сам предельно литературен, а Сэлинджер в своих

произведениях абсолютно ломает литературные каноны. Поэтику Сэлинджера, по определению Набокова, «нельзя назвать никак иначе, как только лишь американской. Он не прописывает панорамные моменты в своих рассказах, то есть, читатель не всегда понимает, что, в конечном счете, происходит. Читатель “достраивает” сюжет на свой лад, хотя сюжетная структура не всегда очевидна» [Цит. по: 1]. Действительно, у Сэлинджера даже самые, казалось бы, главные моменты тщательно завуалированы. Набоков констатирует: «Раз художник использовал свое воображение при создании книги, то и ее читатель должен пустить в ход свое – так будет и правильно, и честно» [Цит. по: 6, с. 36].

Сэлинджер «по-американски абсолютно фрагментарен, он все время приглашает в соавторы» [1]. Возможно, Набоков считал, что в данном случае Сэлинджер идет по пути фрагментарного сюжетостроения в американской литературе, но при этом данное обстоятельство и его принципиальное отличие от него, Набокова, ничуть не умаляло значения мастерства Сэлинджера.

Набоков придерживался мнения, что три грани великого писателя – магия, рассказ, поучение – обычно слиты в цельное ощущение единого. Сэлинджер в данном случае сумел в «Рыбке-бананке» воссоединить все три ипостаси писателя. К тому же Набоков, крайне увлеченный деталями в тексте, разнообразными интересными и «завуалированными» подробностями, был неравнодушен и к магии чисел, стараясь в каждом произведении найти какую-либо отсылку к цифровой символике.

От восприятия «Рыбки-бананки» читателем зависит очень многое. Дело в том, что, по определению Набокова, у читателя есть два вида воображения. Первое – довольно убогое, питающееся простыми эмоциями и имеющее отчетливо личный характер. Читатели остро переживают ситуацию, описанную в книге, поскольку она напоминает о чем-то, что довелось испытать им или их знакомым. Либо опять же книга оказывается близка читателю потому, что вызывает в его памяти некий край, пейзаж, образ жизни, которые дороги ему как часть прошлого. Либо – и, по мнению Набокова, это худшее, что может произойти с читателем, – он отождествляет себя с персонажем книги. Как пишет Набоков: «Я не советовал бы читателям прибегать к этой разновидности воображения, ибо это отвлекает от истинной сущности» [8, с. 37]. Как указывает Набоков, нужно стремиться к художественно-гармоническому равновесию между сознанием читателя и сознанием автора. «Следует оставаться немного в стороне, находя удовольствие в самой этой отстраненности, и оттуда с наслаждением <...> созерцать глубинную ткань шедевра» [Там же, с. 38]. Разумеется, полной объективности тут быть не может. Все ценное в какой-то степени всегда субъективно.

Сэлинджер, по мнению Набокова, умеет сделать так, чтобы читатель научился смотреть и слушать созданный им, писателем, мир. «У каждого свой душевный склад, и я скажу вам сразу, что для читателя больше всего подходит сочетание художественного склада с научным. Неумеренный художественный пыл внесет излишнюю субъективность в отношении к книге, холодная научная рассудочность остудит жар интуиции. Но если будущий читатель совершенно лишен страстности и терпения – страстности художника и терпения ученого, – он едва ли полюбит великую литературу» [Там же]. Сэлинджер, по мнению Набокова, не привносил в свои рассказы чего-то лишнего, все в его творчестве было гармонично.

«Всякий большой писатель – большой обманщик», – такое определение дает В. Набоков [Там же, с. 39]. Сэлинджер в своей новелле как раз прибегает к подобному «обману». На первый взгляд, повесть кажется вполне простой и незатейливой. Но это только на первый взгляд. На самом деле, стержень произведения лежит не на поверхности, читатель сам должен найти его. Разумеется, полной объективности тут быть не может. Все ценное в какой-то степени всегда субъективно. Новелла Сэлинджера как раз пронизанная духом дзэн-мышления, открыта для интерпретации, читательских прочтений и оценок.

Подводя итог, можно сказать, что В. В. Набоков столь высоко оценивал творчество Сэлинджера и неоднократно упоминал о нем в своих интервью потому, что автор «Девяти рассказов» умел привлечь внимание читателя деталями и неким потаённым смыслом, скрытым между строчек своих произведений. Обращаясь к значению подтекста, исследователь и читатель находят, что новелла не сводится к истории вернувшегося с фронта человека с расшатанными нервами, совершающего самоубийство. Смысл новеллы берет истоки из философии дзэн-буддизма – основы творчества Сэлинджера. Это позволяет рассмотреть произведение, соотнося его с буддийскими канонами. Если рассматривать его через призму индийской философии и психоанализа, можно понять, для чего Сэлинджер «вплетал» в текст те или иные детали. Это и восхищало Владимира Набокова, ведь читая произведения Дж. Сэлинджера можно открыть мир совершенно с другой стороны, заглянуть в него «посредством потаённых, а порой даже мистических символов» [3]. Сам мэтр любил погрузить читателя в особый мир, скрыть между строк уникальные детали и символы, поэтому произведения Сэлинджера были ему так близки.

Список литературы

1. **Аствацатуров А. А.** Ловец во ржи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1944442.html> (дата обращения: 12.10.2012).
2. **Борисенко А. О.** Сэлинджер начинает и выигрывает [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/bo16.html> (дата обращения: 23.12.2012).
3. **Галинская И. Л.** Загадки Сэлинджера [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=2451> (дата обращения: 03.10.2012).
4. **Майзнер А.** Песнь любви Сэлинджера // Америка. 1962. № 75. 160 с.
5. **Мельников Н. Г.** Владимир Набоков. Интервью 1932-1977. М.: Независимая газета, 2002. 704 с.
6. **Мельников Н. Г.** Набоков о Набокове и прочем. М.: Художественная литература, 2002. 541 с.

7. Мергаут В. Учение индуизма // Боги, брахманы, люди. М.: Наука, 1969. 416 с.
8. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. М.: Высшая школа, 1980. 280 с.
9. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: Аграф, 2001. 608 с.
10. Сэлинджер Дж. Д. Хорошо ловится рыбка-бананка [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SELINGER/sel_3.txt (дата обращения: 12.10.2012).
11. Топоров В. Н. Зачем заново переводить Д. Д. Сэлинджера на русский? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fontanka.ru/2008/11/10/078/> (дата обращения: 11.10.2012).

**V. V. NABOKOV ON ARTISTIC FEATURES
OF THE NOVEL "A PERFECT DAY FOR BANANAFISH" BY J. D. SALINGER**

Sergienko Irina Vladimirovna
North Caucasian Federal University
kazekama@mail.ru

The author considers the interpretation of creative works of the American writer J. D. Salinger by the writer Vladimir Nabokov, pays special attention to the novel "A Perfect Day for Bananafish" by J. D. Salinger, as a result of the analysis reveals the hidden authorial subtext (suggestiveness), founds the use by Salinger the categories dhvani in the text, as well as researches the correlation of Salinger's work with Indian philosophy; and also describes the features of Salinger's poetics in the context of the creative heritage of Vladimir Nabokov: interviews and lectures on foreign literature.

Key words and phrases: suggestiveness; Indian philosophy; fragmentation; subjectivity; dhvani; Zen Buddhism; poetics.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья раскрывает основные закономерности развития путевой литературы второй половины XVIII века с точки зрения взаимодействия художественно-эстетических систем в русской литературе данного периода: рассматривается влияние сентиментализма и предромантических тенденций на светские путевые записки. На примере конкретных сочинений путевой литературы выявляются типологические черты русского предромантизма и сентиментализма как на формальном уровне, так и на уровне содержательном – идейно-философском.

Ключевые слова и фразы: светские путевые записки; литература путешествий; сентиментализм; предромантизм; предромантические тенденции.

Тополова Ольга Сергеевна

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
Olga.Topolova@yandex.ru

**СВЕТСКИЕ ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ
СЕНТИМЕНТАЛИЗМА И ПРЕДРОМАНТИЗМА[©]**

Значительное влияние на развитие литературы путешествий во второй половине XVIII века оказали взаимодействующие между собой сентиментализм и предромантизм. Вопрос об их соотношении современными литературоведами не решен однозначно. Так, А. Н. Пашкуров выделяет предромантизм в отдельное литературное течение, отмечая, что оба направления связаны, каждое по-своему, с преобразующей ролью философии сенсуализма и новыми представлениями об «объективной чувственности» мира [6, с. 114]. Н. Д. Кочетковой явно преуменьшается роль предромантизма, а его новаторские черты рассматриваются как результат эволюции сентиментализма [4, с. 14-15]. В. И. Федоров трактует предромантизм как «комплекс», состоящий из отдельных «тенденций», получивший заверченный вид и художественно-эстетическое оформление в романтизме [8, с. 109].

Вместе с тем история изучения отечественной наукой предромантизма убедительно показывает, что это было мощное движение, обусловленное объективными предпосылками национальной жизни и выразившее понимание человека в единстве телесного, душевного и духовного существования, которое определило литературный период с 1790-х до 1820 года.

В светских путевых записках второй половины XVIII века наблюдается многообразие жанровых форм, стилей и мировоззренческих идей, включая эстетические и поэтические особенности как сентиментализма, так и предромантизма в зависимости от времени создания того или иного сочинения. Путевые записки, написанные в 60-80-х гг., ярко и четко свидетельствуют о проникновении поэтики сентиментализма